

О ПОЭЗИИ И. Θ. АННЕНСКАГО

"Аполлонъ", No 4, 1909

OCR Бычков М. Н.

И. Θ. Анненскій -- *лирикъ* -- является въ большей части своихъ оригинальныхъ и трогательныхъ созданий символистомъ того направленія, которое можно было бы назвать символизмомъ *ассоціативнымъ*. Поэтъ-символистъ этого типа беретъ исходною точкой въ процессѣ своего творчества нѣчто физически или психологически конкретное и, не опредѣляя его непосредственно, часто даже вовсе не называя, изображаетъ рядъ ассоціаций, имѣющихъ съ нимъ такую связь, обнаруженіе которой помогаетъ многосторонне и ярко осознать душевный смыслъ явленія, ставшаго для поэта *переживаніемъ*, и иногда впервые назвать его -- прежде обычнымъ и пустымъ, нынѣ же столь многозначительнымъ его именемъ.

Такой поэтъ любить, подобно Маллармэ, поражать непредвидѣнными, порой загадочными сочетаніями образовъ и понятій и, заставляя читателя осмыслить ихъ взаимоотношенія и соотвѣтствія, стремится къ импрессионистическому эффекту *разоблаченія*. Разоблаченный такимъ методомъ объектъ поэтического созерцанія, когда имя его ясно раздается въ сознаніи читателя, кажется ему новымъ и какъ бы впервые пережитымъ, перспектива, въ которой онъ рисуется, углубленной, его послѣдній смыслъ -- требующимъ какой-то послѣдней разгадки. Два примѣра, взятые изъ первой книги стиховъ только-что ушедшаго отъ насъ и нами оплаканнаго поэта ("Тихія Пѣсни"), поясняютъ вышесказанное.

По блѣдно-розовымъ оваламъ,
Туманомъ утра облиты,
Свились букетомъ небывалымъ
Стального колера цвѣты.

И мухъ кочующихъ соблазны,
Отраву въ глянецъ затая,
Пестрятъ, назойливы и праздны,
Нагія грани бытія.

Но лихорадкою томимый,
Когда недѣлями лежишь,
Въ однообразьи ихъ таимый
Поймешь ты сладостный гашишь,

Поймешь, на глянецъ центифолій
Считая бережно мазки...
И строя ромбы по неволѣ
Между этапами Тоски.

Трагизмъ прикованнаго къ земной пыли, изнемогающаго въ своей эмпирической ограниченности "безкрылаго духа, полоненнаго землей", переживается здѣсь путемъ послѣдовательнаго воспріятія ряда чувственныхъ раздраженій и связанныхъ съ ними побочныхъ представленій, которыя, будучи съ достаточною живостью воспроизведены воображеніемъ читателя, даютъ ему одновременно простое, слишкомъ -- до ироніи -- простое постиженіе, что рѣчь идетъ объ обояхъ, которыми оклеена комната больного, и далекое, до мистики далекое предчувствіе, что эти обои -- одинъ изъ потрясающихъ гіероглифовъ міровой тайны о индивидуальномъ бытіи и проклятій тѣсноты его, о темничныхъ граняхъ личности и ея томительно-долгомъ и сомнительно-темномъ пути къ истинному свободному бытію чрезъ цѣпляющую и неподатливую косность бытія призрачнаго. Все стихотвореніе названо "Тоска", и пошло разубранная грязно-блѣдноватыми розами одежда этой богини и ея -- отъ страдальческаго надрыва духа -- почти "сладостное" очарованіе страшнаго, быть можетъ, чѣмъ черное знамя Царицы-Тоски у Бодлэра, развернутое надъ челомъ болѣющаго сплиномъ поэта. А вотъ "Идеаль":

Тупые звуки вспышекъ газа